

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // МВД России : [сайт]. 18.01.2022. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 09.09.2022).

2. Клещина Е. Н. О роли УПК РФ в предупреждении преступлений. Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 139–143.

3. Гришин Д. А. Система мер по предупреждению преступлений в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10 (221). С. 16–20.

Павлов Вадим Иванович

ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПУТИ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА НА РУСИ

Докторант УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, vadim_pavlov@tut.by

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования отечественного уголовного права древнерусского периода в контексте влияния византийского права. Обосновывается, что влияние осуществлялось содержательно и терминологически. Основным источником влияния являлось не общегражданское, а светско-церковное византийское право, поскольку рецепция на Руси осуществлялась в контексте общекультурного христианского влияния.

Ключевые слова: право, уголовное право, рецепция, Византия, Русь.

Разработка уголовно-правовой политики предполагает знание не только текущего состояния правопорядка, но и исторический путь формирования уголовного закона. Становление правовой системы на белорусских землях в самый ранний период было связано с процессами формирования общего древнерусского права и государственной власти на восточнославянских землях в X–XI вв. Принципиальным моментом начала формирования права как письменно зафиксированной системы норм является христианизация Руси и связанный с ней заимствованный опыт правовой традиции из Византии.

Право Древней Руси, в том числе нормы, действовавшие на современных белорусских землях, представляло собой не юрисдикцию одного кодекса, как это нередко принято считать (например, Русской Правды), а сложносоставное, многослойное образование, в котором мы выделили 6 различных слоев, выступающих источниками права [1, с. 327]. При этом на формирование права как нормативной системы оказывали влияние два основных фактора: а) постепенно расширяющаяся христианизация прежней языческой системы обычного права с момента крещения Руси; б) становящийся христианско-

государственный синтез, выражающийся в тесном переплетении религиозного и условно светского элементов. В самой Византии, или, Восточно-Римской империи, которая на 700 лет раньше прошла путь христианизации, процесс усвоения и адаптации христианского юридического содержания протекал иначе по целому ряду причин. Прежде всего, из-за того, что данная цивилизация имела уже развитое право и государство, письменные источники права, правовую культуру, юридическую доктрину дохристианской эпохи.

Процессы рецепции византийского права на белорусских землях не отличались от общей логики правового заимствования в других частях восточнославянского ареала, Киевской или Древней Руси. Несмотря на периодическое проявление сложностей в отношениях между отдельными княжествами и князьями, право восточных славян представляло собой единую систему регулирования: особенно это касалось рецептированных византийских правовых норм. Расхождения могли быть на уровне норм, сформулированных на основе казуального волеизъявления местного князя или судебных решений местных судов, однако они не носили принципиального характера. Помимо Русской Правды другого источника права в восточнославянских землях, хронологически сопоставимого с этим актом, например, который действовал бы в отдельном крупном княжестве наподобие Новгорода или Полоцка вместо либо наряду с Русской Правдой, науке неизвестно. Вместе с тем, как будет показано далее, Русская Правда не являлась единственным, тем более, строго отделенным от актов церковной юрисдикции, источником права на Руси. В советской историко-правовой науке принципиальное выдвигание на первый план Русской Правды при нивелировании других нормативных правовых актов и юридических компиляций нормативного значения отчасти диктовалось идейно-методологическими позициями.

Русская Правда («Правда Роуська») отражала устную судебную практику языческого древнерусского общества, когда основные архаические юридические формулы заучивались мнемотехническим способом («А будет кто... и тогда...») [2]. Однако было бы неверно утверждать, что этот источник права противопоставлялся рецептированным византийским актам церковной юрисдикции. В числе источников Правды находятся источники права христианской эпохи – Уставы Ярослава Мудрого, его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода, Владимира Мономаха [3, с. 2], т.е. нормы княжеских актов, отражающие уже не языческое, а христианизированное правовое сознание. Отметим, что самая древняя редакция Русской Правды как записи древнерусского правового обычая дошла до нас в составе Новгородской Синодальной Кормчей книги 1282 г., т.е. в составе рецептированного византийского Номоканона конца XIII в. Создание же Древнейшей Правды

специалистами определяется временем правления Ярослава Мудрого, в частности, М.Н. Тихомиров указывает на 1036 год [4, с. 56].

Сама Русская Правда не является нормативным правовым актом в строгом смысле слова. Скорее это юридический сборник, такой же, как и другие юридические сборники и компиляции, действовавшие на Руси, такие как Книги Законные, Мерило Праведное и др. [1, с. 300–316]. Вопреки сложившемуся в советской учебной литературе по истории права мнению о практически доминирующем действии норм Русской Правды на древнерусских землях, следует отметить, что обращение к этому источнику происходило не чаще, чем к источникам рецепированного византийского светско-канонического права. К. В. Вершинин верно отмечает, что «взятая в целом рукописная традиция Русской Правды лишь на первый взгляд свидетельствует о регулярном интересе к этому памятнику древнерусских “юристов”. Подавляющее большинство ее списков дошло до нас в составе Кормчих и Мерила, а значит, у нас нет серьезных оснований считать, что к Русской Правде обращались чаще, чем к другим текстам, входящим в состав этих сборников» [5, с. 110]. Вероятнее всего, Русская Правда действовала в едином нормативном комплексе наряду с рецепированными византийскими светско-каноническими источниками права, равно как и местными юридическими компиляциями.

Какие рецепированные византийские источники права и правовые нормы оказывали влияние на сферу древнейшего отечественного уголовного права? Прежде всего, конечно, Эклога (742 г.), древнерусский перевод которой был сделан еще во время правления Владимира Святославовича в его окружении с новейшей для того времени редакции полного текста византийской Эклоги («*Ecloga private*») [6, с. 113; 7; 8]. Однако на Руси книжниками часто использовался не сам греческий текст Эклоги, а южнославянский источник права «Закон Судный людем» («Судебник царя Константина») [9], выступавший посредником. Последний представлял южнославянскую (болгарскую) компиляцию византийской Эклоги, в основном ее пенального XVII Титула с элементами славянского права [4, с. 59, 154]. Обосновано, что рецепированный XVII Титул Эклоги выступал фактически первым Уголовным кодексом Древней Руси [1, с. 363–380]. Славянский текст Эклоги имел хождение на Руси не в качестве самостоятельного акта, а был включен в Кормчую книгу [10] и в Мерило Праведное [11–12]. Учитывая, что в самой Византии Эклога, в отличие от Номоканона, не являлась актом церковной юрисдикции, ее нормы имеют общегражданское значение, в котором, впрочем, выражен характерный для Византии светско-церковный юридический синтез. На Руси же Эклога, равно как и иные акты, воспринимавшиеся от «Царьграда», рассматривалась сквозь призму

освященного православной верой византийской традиции. Всегда присутствовавший в ней и в византийском юридическом дискурсе сугубо светский элемент древнерусским правовым сознанием не различался. Полное издание славянского текста Эклоги, включая уголовно-правовой Титул XVII с комментариями, осуществил Я. Н. Щапов [13].

Уже в древнейшем списке Краткой Правды имеются следы влияния Эклоги. Так, из Эклоги были рецепированы статьи об ответственности хозяина (господина) за преступления его холопа (ст. 17), а непопулярные на Руси телесные наказания заменялись штрафом в три гривны в пользу князя (ст. 7, 11, 13, 15). Были заимствованы также статьи об обеспечении иска, о поручительстве и о судебных сроках [14, с. 27]. Статьи Закона судного людем в рукописных Кормчих книгах нередко излагаются, чередуясь со статьями Русской Правды, что доказывает не только практическое значение византийских норм, но и восприятие светского и канонического права на Руси в качестве единого правового комплекса. М. Н. Тихомиров установил наличие в Краткой Правде двух статей – 12 («О всядении на чужого коня») и 18 («О порче копья и щита»), дословно рецепированных из Закона Судного людем [4, с. 58]. М. В. Бибиков усматривает влияние на статью 12 Краткой Правды, помимо Эклоги, и статьи 36 византийского Земледельческого закона [15, с. 110–111], также посвященного незаконному использованию чужого скота [16, с. 87].

Следует отметить и терминологическое влияние на отечественное уголовное право византийского законодательства. Такие концептуальные понятия, как «закон», «законоположение» в соответствии с греческими терминами «νόμος», «νομοθεσία» постепенно вошли в юридический язык славян под влиянием византийского права. Термины «законъ», «законоположение» использовались древнерусским книжником в новелле Алексея Комнина о браке в составе Мерила Праведного [17, с. 657; также см.: 18–19]. Эта же тенденция касается и нового термина «преступление», который постепенно вытесняет традиционные древнерусские термины «обида», «лихое дѣло», «дурно», «кривда». Церковно-канонический термин «убийство», «убоиник» происходит от греческого «φονεύς» и вытесняет традиционный русский термин «головщина» [20; 17, с. 656–661]. Под влиянием церковнославянского языка в Русскую Правду проникают также термины «знамение», «разграбление» и др. [см.: 17]. Этому же относится и к термину «свѣдѣтель» – от греческого «μάρτυρος», который приходит на смену древнерусскому «видокъ», «послухъ». Термин «имѣние» заменяет традиционные древнерусские термины «домъ», «животь».

В целом следует констатировать, что соприкосновение древнего отечественного языческого уголовно-правового представления с развитым

византийским правом постепенно привело к эволюции как нормативного содержания, так и терминологии уголовного права Руси домонгольского периода. Влияние византийского права наблюдается в дальнейшем и в праве Великого княжества Литовского, особенно в Статуте 1529 г. [1, с. 429–438], в котором византийские нормы опосредовались общим древнерусским законодательством и местной юридической практикой.

Библиографические ссылки

1. Павлов, В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

2. Иванов, В. В. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. – С. 12–15.

3. Максимейко, Н. А. Русская Правда и Литовско-Русское право. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. – 14 с.

4. Тихомиров, М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов / М. Н. Тихомиров ; Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 254 с.

5. Вершинин, К. В. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // Исторический вестник. М., 2016. – № 17 (164). – С. 100–135.

6. Милов, Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – №1 (3). – М., 1998. – С. 113–119.

7. Милов, Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 142–163.

8. Милов, Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. – 1980. – №5. – С. 105–123.

9. Закон Судный людем краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 179 с.

10. Белякова, Е. В. «Латгальские листы» – древнейший список Чудовской редакции Кормчей / Е. В. Белякова, Н. Морозова // Древняя Русь. – 2011. – №3. – С. 17–18.

11. Мерило праведное : По рукописи XIV века / Издано под наблюдением, со вступ. ст. М. Н. Тихомирова. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 698 с.

12. Белякова, Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «Византизм» в русской государственности / Е. В. Белякова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2012. – №5. – С. 34–50.

13. Щапов, Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Щапов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2011. – 240 с.
14. Чемеринская, В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 186 л.
15. Византийский земельный закон / Текст, исследование, комментарий подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. – Ленинград : Наука, 1984. – 280 с.
16. Бибииков, М. В. «Закон судный людем» и византийская Эклога в свете средневековых правовых традиций // Российская история. – 2019. – №4. – С. 82–91.
17. Живов, В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры. 2002. – С. 652–738.
18. Unbegaun B. Russe et slavon dans la terminologie juridique // Revue des etudes slaves. – 1957. – №34. – P. 129–135;
19. Унбегаун, Б. О. Язык русского права // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965. – С. 178–184.
20. Unbegaun B. «Le crime» et le «criminal» dans la terminologie juridique russe // Revue des etudes slaves. – 1959. – №36. – P. 47–58.

Петрова Ольга Валентиновна

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, к.ю.н., доцент, machkova@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются сущность уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних в контексте уголовной политики. В работе определяется ее содержание и принципы построения. Рассматриваются вопросы взаимодействия уголовно-процессуальной политики с иными элементами уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-процессуальная политика; ювенальная политика; ювенальная юстиция, защита детей.